

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**О СОЗДАНИИ СВОДА «ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА» В КОНТЕКСТЕ МНОГООБРАЗИЯ И ЕДИНСТВА
КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА****А.М. АДЖИЕВ**

Северо-Кавказский Федеральный округ – это не механически «скомпонованное» искусственное административное образование: он основан на традиционной и современной многообразной общности микрорегионов и этносов края. Не случайно в последнее время активизировалось проведение в СКФО совещаний, конференций, фестивалей, турниров и т.п., посвященных региональной экономике, межэтнической и межконфессиональной политике, журналистике, художественному творчеству, спорту и др. Поскольку в основе, в истоках всего этого – традиционное народное творчество, то, естественно, целесообразна опора на него, использование его в новых условиях как «стартового» феномена, далеко не утратившего свою значимость и ныне; это призвано помочь в решении и современных особенно актуализировавшихся проблем межэтнического и межрелигиозного взаимопонимания, мира, толерантности – давно назрело время «собирать камни». При этом ученые, разумеется, прежде всего имеют в виду научную значимость изданий.

Об ареалах охвата материалов свода

В связи с наличием значительных общностей, историко-культурных контактов и т.п. свод должен содержать ряд материалов, сведений и т.п. также Южного Федерального округа РФ. Абхазо-адыгская близость в фольклоре и этнографии хорошо известна, а осетины Северной и Южной Осетии – один народ, т.е. включение фольклорно-этнографических материалы новых республик Закавказья представляется вполне естественным (о чем, кстати, мы писали и в «Проекте проспекта...» в 1990 г.) [2; 3; 4; 5].

В рамках программы Международной научно-практической конференции «Фольклор народов Северного Кавказа в контексте евразийского диалога культур», состоявшейся в Махачкале 26 октября 2016 г., было проведено заседание «Круглого стола» по обсуждению проблем подготовки данного свода, на котором с поддержкой нашей идеи и ценными рекомендациями выступили видные ученые: академик АН Абхазии, директор Центра нартоведения и полевой фольклористики АГУ, г.н. сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований (г. Сухум) З.Дж. Джапуа, ученый секретарь, в.н. сотрудник Института мировой литературы РАН (Москва) Т.М. Хаджиева, профессор, завотделом осетинского языкознания Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (Владикавказ) Е.Б. Бесолова и др. Заведующий сектором фольклора АН

Чеченской Республики (г. Грозный) И.Б. Мунаев предложил, в частности, ареал охвата фольклора в своде распространить на весь Кавказ и на мой вопрос, осилит ли работу в таких масштабах, тем более, связанную с государствами Ближнего Зарубежья, ответил утвердительно. Предложение И.Б. Мунаева, несомненно, интересное, кстати, отвечающее и статусу журнала «Кавказология», однако, если будет одобрено это предложение, нужно будет учесть мнение сторон закавказских суверенных государств и их соответствующих учреждений.

К вопросу об этническом, межэтническом и надэтническом в культуре народов Северного Кавказа

Северокавказский регион от других регионов России отличают в основном две такие, казалось бы, взаимоисключающие особенности: а) здесь необычайно большое количество малочисленных народов и этнических групп, характеризующихся своими национальными, во многом неповторимыми особенностями; б) в то же время эти этноспецифические культуры в целом ряде своих характеристик носят общесеверокавказские и даже общекавказские черты, создающие в целом общерегиональный тип культуры. Он, очевидно, складывался в течение многих столетий, прежде чем получил «завершающий» мозаичный, достаточно организованный вид, где довольно четко прослеживаются национально-специфические, межэтнические и надэтнические явления.

Потеряв этнические черты, культура в принципе перестает быть собственнонациональным явлением, и поэтому естественно, что традиционная культура того или иного народа и даже этнической группы в той или иной мере сохраняет этноспецифические черты. Однако генетическое родство многих этносов Северного Кавказа, достаточно тесные контактные взаимосвязи народов региона, законы типологии (в частности – региональной) обусловили межэтническую близость культур. Более того, сложились культурные явления, общности, которые можно назвать надэтническими, т.е. как бы оторвавшимися от конкретного этноса, его языка и т.п. и в общих своих характеристиках ставшими как бы внеэтнически региональными, суперэтническими. Последние в целом можно разделить на два типа: невербальные и вербальные.

1. В сложении межэтнических и надэтнических культурных общностей невербальные явления обладают большей «мобильностью», подверженностью диффузии, своего рода культурной интерференции (в расширительном значении данного понятия). Это прежде всего касается предметов, продуктов и т. п., имеющих утилитарную хозяйственную, бытовую ценность. Хотя и они зачастую бывают этнически или географически маркированы, варьируются, нетрудно заметить общие черты в поселениях, орудиях труда, одежде, пище и др. народов региона. (Кстати, и археологические культуры региона зачастую неправомерно связывают с носителями того или иного языка). Это же можно сказать о традиционной этикетности, во многом общей для региона, хотя тоже с некоторыми национально-специфическими чертами («адыге хабзе» – адыгский этикет, «таулу намыс» – карачаево-балкарская честь, мораль, «дагестанский

намус» и т.д.). Широко известна общность (опять-таки при всех этносвоеобразных чертах) в институтах обычного права: кровная месть, гостеприимство (куначество), аталычество, побратимство и др. Из невербальных (в целом) видов искусств такое же «единство в многообразии» наблюдается в танце (национальные варианты лезгинки), в мелосе и даже в типе многоголосного бурдонирующего песнопения. Все эти явления материальной и духовной культуры конкретных этносов как бы через переходные звенья соединены и друг с другом, и с региональным общим пластом традиционной культуры, которую ни с какой другой некавказской культурой не перепутает даже неспециалист.

2. «Составляющие» этого типа культуры (т.е. этнические, локальные вариации) не являются каким-то хаотичным нагромождением, наоборот, они, можно сказать, выстроены в закономерно «сложенную» мозаику, причем их общие, главные характеристики зачастую связаны не столько с этноязыковой принадлежностью, сколько с географическим расположением этноса на карте региона, с этнополитической историей края. Так, у народов, живущих в Центральном Предкавказье и ближе к северу региона, наблюдаются традиционализм, хорошее сохранение местной этикетности, ритуально-мифологического пласта народной культуры, эпичности; по мере продвижения на юг эти черты общерегиональной культуры постепенно идут на убыль, значительно трансформируются, появляется больше восточных инноваций, возрастает роль лирики, индивидуального творчества, во всем ощущается некоторое уподобление культуре Азербайджана, Ирана, Турции, арабского Востока, что более всего заметно в Южном Дагестане.

Неучет региональных закономерностей эволюции системы фольклора народов Северного Кавказа приводит к ошибкам в определении генезиса и исторической эволюции системы жанров, например, к игнорированию диахронического метода, когда завершающая, «итоговая» картина многовековой эволюции системы жанров берется как изначальное; или же вполне объяснимое слабое развитие того или иного жанра воспринимается как явление ущербное для того или иного народа и даже делаются попытки искусственного «восполнения» этой «недостачи», в то время как обращение ко всей совокупности системы жанров этих народов показывает, что их наследие уже было «восполнено» особенно сильным развитием других жанров и т.д.

Наиболее распространенный и по своей «технологии» простой способ общения представителей разных этносов – это использование в качестве межнационального языка одного из языков этих народов, например: азербайджанского – в Южном Дагестане, кумыкского, карачаево-балкарского или ногайского – на Северо-Восточном Кавказе, аварского – в горах Северного и Центрального Дагестана, а в наше время во всем регионе – русского языка. Надо также подчеркнуть особую традиционную роль в развитии науки и литературы арабского и общелитературного тюркского (джагатайского), частично иранского языков. Однако происходил и другой относительно сложный процесс – сближение языков посредством заимствований слов, который обычно имеет большую хронологическую протяженность; в

частности, на Северном Кавказе он начинался еще в глубокой древности и нашел определенное отражение в фольклоре. Процесс проникновения иноязычных слов в фольклор и таким образом «интернационализация» народного творчества имеет общетипологические закономерности, говоря же о Северном Кавказе, отметим следующее. В древности в связи с передвижением, смешением племен, с их объединением, ассимиляцией выработывалась во многом общая ритуально-мифологическая система зачастую с общими именами божеств, духов, с названиями обрядов, мифов и т.п., которые были восприняты и развиты героическим эпосом. В частности, в общем для народов Северного Кавказа нартском эпосе центральные и ряд второстепенных героев у разных народов носят одни и те же имена: Сатана (Сатаней и др.), Сослан (Сосрук), Батраз, Хамиц и т.д. Ясно, что они не могли спонтанно возникнуть у разных народов, т.е. перед нами факт их заимствования одним народом у другого. Это же можно сказать о самом названии героев – «нарт». Взаимопроникновение слов, очевидно, имело место и в нартской топонимии, и в этнонимии, и в др. В обстоятельной и глубокой статье «Антология эпоса близкородственных народов» А.И. Алиева пишет: «...нартский эпос, общее творение народов Кавказа и Закавказья: адыгов, осетин, абхазов, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, некоторых народов Дагестана; недавно опубликованы варианты сказаний о нартах, записанные в Грузии» [6, с. 77]. Процесс десемантизации, очевидно, содействовал «беспрепятственному» сложению общих для песен многих народов рефренов, типа «далалай», «ананай», «нанинао», «ореро» др. Если говорить о нартиаде, на Северном Кавказе в итоге сложился многонациональный героический эпос, в общих своих характеристиках (жанр, форма, сюжетика, антропонимия и др.) по сути являющийся наднациональным, супернациональным эпосом региона. Это же в целом можно сказать о произведениях, условно названных нами фольклорными памятниками о гибели охотника, оставленного в ущелье. Наиболее архаичные ритуально-мифологические истоки этих произведений представлены у абхазов, адыгов, грузин, карачаево-балкарцев; стадияльно более поздний этап эволюции этого общекавказского сюжета наблюдается у вайнахов и осетин; в Дагестане (исключая некоторые народы юга республики) он уже трансформировался в стадияльно поздние баллады и притчи (аварцы, даргинцы, лакцы, кумыки) [1, с. 4-22].

В Южном Дагестане несколько «островком» находится лезгинский фольклор о богатыре Шарвили, однако надо отметить и здесь наличие не только типологических сходжений, сближений, но и взаимовлияний с иноэтническим творчеством.

Взаимосвязи с Азербайджаном и Востоком вообще, особенно интенсивные в Южном Дагестане, так сказать, плавно приводят к своеобразной историко-экономической, фольклорной и этнографической общности. В отрыве от культуры Востока невозможно полноценно осмыслить и издать произведения дагестанского ашугского синкретичного искусства (дагестанские азербайджанцы, лезгины, рутулы, таты и др.), эпосов о Коркуте, Кёроглу,

классических дастанов (азербайджанцы, кумыки, ногойцы и др.), лирики, мугамов и очень популярных среди многих народов региона танцев.

Сохранение «додialectной» языковой общности в фольклоре так же, как и процесс вторичного «делания» языка фольклора по возможности понятным всем, по-видимому, имели место и достигли более высокого уровня внутри конкретных этносов (о наддиалектном характере языка фольклора у адыгов пишут М. и З. Кумаховы, у лакцев – Н. Джидалаев и др.).

По-видимому, не имеет непосредственного отношения к собственно устно-поэтическому творчеству и такое северокавказское языковое «надэтническое» явление, как выпадение или стяжение некоторых конечных звуков слов (вайнахи, карачаево-балкарцы и др.), что, возможно, обусловлено акцентированно выраженным ударением на первые в слове гласные звуки и их долготой. Это своеобразие, на наш взгляд, в определенной мере могло сказаться на стихосложении (рифмовка, аллитерированные и др.), мелосе, интонированиях... Так, например, у тюркских народов древний стих был в основном аллитерационным, прежде всего с подчеркиванием начала синкретичной стихо-песенной строки, что, как нам представляется, лучше сохранилось у алтайских и центральноазиатских тюрков.

Языковой фактор в процессе культурных взаимовлияний играет особенно важную роль: язык по сравнению с материальной культурой, музыкой, танцем, некоторыми этнографическими элементами – наиболее «этносохраняющее» явление: утрата языка обычно воспринимается и как потеря этноса; это же свойство языка несколько сдерживает межэтнические фольклорные взаимовлияния, что особенно ярко проявляется в песенных жанрах. Билингвизм, а нередко и трехязычие, четырехязычие и т.д. содействовали достаточно активному взаимообмену народной прозой (сказки, притчи, анекдоты и т.п.), вместе с тем песенные жанры, памятники в силу особенностей поэтики, звуко-ритмической инструментовки и, главное, их синкретичности не могли легко заимствоваться другим этносом. Искусственное «расщепление» по своей природе синкретичной песни на такие «составляющие», как текст, мелодия, манера исполнения и т.п., привело бы к ее разрушению как жанра, получились бы внепесенные стихи, мелодии... Поэтому мы зачастую и наблюдаем при заимствовании одним народом у другого эпического памятника переложение его в прозу, однако при сочетании в произведении прозы и песни лучшие исполнители в песенных партиях стремятся сохранять язык и мелос оригинала.

О выявлении общенационального и локально-специфического в фольклоре

Характерная для фольклора вообще вариативность у различных народов Северного Кавказа и особенно Дагестана еще как бы помножена на локальные, микрорегиональные этноспецифические типы вариаций, версификаций.

Локально-специфические особенности в фольклоре того или иного народа обусловлены комплексом причин, среди которых отметим следующие: этнокультурное, языковое своеобразие генезиса и развития той или иной

этнографической группы, нередко консолидировавшейся в составе одного народа; относительная неравномерность социально-экономического и культурного развития микрорегионов края; социально-политическая «автономизация» (княжества, ханства, «вольные общества» и т.п.); географическая пересеченность горных зон, сдерживающая регулярное общение; влияния соседних народностей; хронологическая разновременность, неодинаковая интенсивность, разная степень воздействия на традиционную культуру того или иного этноса таких общих для региона явлений, как восточная культура, ислам, христианство, иудаизм; время становления индивидуального творчества, уровень развития литературы и т. д.

И наоборот, близость или общность отмеченных выше факторов обуславливает этнокультурное, в частности фольклорное родство, близость, однотипность и т. п.

Однако при определении общенационального и локально-специфического необходимо учитывать и «чисто» фольклорные факторы, закономерности: архаичность или трансформированность истоков тех или иных жанров, сюжетов, мотивов и т.д. (например, чем они архаичнее, обычно тем больше в них общенационального); своеобразие отражения действительности в тех или иных жанрах (так, чем больше «прикреплено» произведение к местной истории, этнографии, географическому микроареалу, тем в нем больше локально-специфического); облегченность или, наоборот, затрудненность заимствования произведения (проза заимствуется легче, чем поэзия и т. д.); особенности типологии жанров и др.

К вопросу о критериях определения заимствования в фольклоре

Вопрос этот достаточно сложный и, надо сказать, нередко деликатный, т.к. некоторые исследователи иноэтническое заимствование воспринимают как явление ущербное для своего этноса, что не вполне справедливо.

«Справедливо будет сказать, – писал Б.Н. Путилов, – что четких критериев заимствования в современной фольклористике не предложено», и в наше время довольно распространён «отказ от определения» выводов, допущение в качестве возможных вариантов или заимствования, или типологического схождения. Подобное допущение нередко завершает сравнительный анализ, ставя точку там, где следовало бы только приступить к историческому исследованию»[9, с. 8]. Такое положение, очевидно, говорит не о непонимании исследователями важности проблемы, а о её сложности.

О наличии или возможности заимствования, об общих истоках произведения мы можем говорить при наличии историко-культурных контактов или генетического родства между этносами. Однако эта проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд, ибо:

а) Историческая наука не всегда располагает достаточными сведениями по межэтническим связям, по этногенезу народов, особенно когда речь идёт о древнейших этапах истории. Здесь данные фольклора в определенной мере сами могут явиться опорным материалом для исторической науки.

Исторические связи в фольклоре отражаются не только в «горизонтальном», в синхронном плане, т.е. как взаимовлияния культур одного и того же отрезка времени, но и в «вертикальном», в диахроническом плане, когда в устно-поэтическом творчестве сохраняются межэтнические связи, общности более ранних исторических этапов. По аналогии с языкознанием здесь правомерно говорить о субстратных и суперстратных процессах, а также об общностях более широкого порядка.

б) Фольклорные межэтнические взаимосвязи могут иметь место и между народами, которые никогда непосредственно не контактировали. Это происходит тогда, когда какой-нибудь этнос играет роль своеобразного «передатчика», «переносчика» своего фольклорного произведения от одного народа к другому. Данное явление чаще всего имеет место в тех случаях, когда какой-либо древний этнос играет определенную роль в этногенезе нескольких народов.

Фольклорное заимствование возможно тогда, когда у «отдающего» и «перенимающего» народов, помимо непосредственных или опосредованных исторических связей, отмечается также близость в социально-экономической и культурной жизни (по-Веселовскому – «встречное течение»). Так, тюркоязычные народы сыграли значительную роль в развитии многих народов Кавказа, а с тюркоязычными карачаево-балкарцами, кумыками и ногайцами их взаимосвязи были особенно интенсивными, что не могло не повлиять на социально-экономическое и историко-культурное их сближение. Не менее тесные контакты и близость установилась, например, между кумыками и горскими народами Кавказа: даргинцами, чеченцами, адыгами, лакцами, аварцами, осетинами...

«С категорией «встречных течений», – отмечал Б.Н. Путилов, – сложным образом соотносится категория «кодового настроя», т.е. «возможность усвоения чужого», заложенную в данной, этнически определенной, системе художественных представлений, поэтической семантики, фольклорного сознания. Любой фольклорный текст (равным образом и жанр) основан на определенном коде, т.е. системе традиционных, привычных, органических для данной среды норм, правил, ограничений, семантических принципов, бессознательного, но с достаточной жесткостью регулирующих восприятие фольклорных текстов»[9, с. 12].

Как отмечалось выше, заимствование возможно при общности, близости языка, при наличии языка межэтнического общения, при знании языка данного народа частью другого соседствующего народа, его сказителями, певцами.

Важно учитывать также наличие письменных источников, из которых могут заимствоваться фольклорные произведения.

При определении наличия фольклорных взаимосвязей важное значение имеет одновременное совпадение или сближение нескольких моментов, например, сюжета и имени героя. Если близость только в сюжете может объясняться (а часто действительно и является) следствием типологии, а одинаковое или близкое звучание имён – как следствие случайного созвучия, то при одновременном совпадении или сближении и сюжета, и имени вероятность

спонтанного совпадения резко снижается. В таком случае при наличии исторических условий для культурного обмена между рассматриваемыми народами мы можем почти безошибочно говорить о генетическом родстве или заимствовании фольклорных памятников, что, как правило, бывает творческим.

Специфичность процессов, происходящих в искусстве, их многообразии и зачастую несводимость к единым, всеохватным «схемам» проявляются особенно часто в области взаимовлияний. Приведённые выше признаки заимствования, очевидно, можно было бы продолжить, и они могут привести к положительным результатам лишь при по возможности широком комплексном их использовании, хотя в «полном наборе» они практически не встречаются.

О принципах перевода на русский язык текстов свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа»

Принципам научного перевода фольклора посвящено немало работ, общие положения разработаны достаточно хорошо, есть исследования и по конкретным (национальным, жанровым и др.) проблемам фольклористического перевода. В процессе составления «Свода памятников фольклора народов Дагестана» эти работы сыграли добрую службу, однако практика показала, что реализация рекомендаций намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, что обусловлено не только и не столько субъективными факторами (уровень квалификации исполнителей, степень обеспеченности ими и т.п.), сколько трудностью самого процесса, тем более в таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ.

Несмотря на «единство в многообразии», ярко проявляющемся здесь, фольклор создавался на языках, относящихся к разным семьям (иберийско-кавказской, тюркско-кавказской и иранско-кавказской), имеющих существенные отличия в синтаксисе, морфологии и т. д. не только от русского языка, но и между собой. А язык, как известно, фактор, лежащий в основе перевода (в фольклоре нужно учитывать и другие факторы: этнографические реалии, национальные «картины мира», этноментальность особенности стихосложения, учёт роли музыки и др.) Таким образом, обычно немногочисленным коллективам исполнителей по каждому национальному фольклору региона в каждом конкретном случае приходится, помимо общих принципов перевода, в определённой мере разрабатывать и этноспецифические.

Кроме того, на фольклоре не могло не сказаться и исповедание разных религий, что тоже необходимо учитывать при переводе, особенно при комментировании текстов. Так, например, в ряде публикаций дагестанских сказок используется слово «кум» («кума», «кумушка»). Несмотря на то, что позднее это слово стало использоваться и в значении «приятель», в фольклоре народа, например, многие столетия исповедующего ислам, вряд ли правомерно использование данной лексемы, обозначающей «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери» (С.И. Ожегов).

В наше время подготовлено немало фольклористов, которые, как правило, достаточно хорошо владеют как русским, так и родными языками, и

это существенно важно прежде всего потому, что переводы осуществляются не по подстрочникам (как это обычно делалось при художественном переводе), т. е., в частности, устраняется по сути «двойной перевод», неминуемо приводящий в той или иной мере к отдалению перевода от оригинала.

Как справедливо отмечает В.М. Гацак, «...фольклорный перевод эпоса должен, вероятно, стать *особым* разделом теории и практики перевода» [7, с. 196]. Это же можно в целом отнести и к другим жанрам.

Перед переводчиком фольклорного текста стоят прежде всего две важнейшие и наиболее трудно разрешимые задачи:

1. Сохранить весь комплекс национальных особенностей оригинала.

2. Передать это так, чтобы «звучало по-русски», было понятно русскоязычному читателю.

Слова Н.В. Кидайш-Покровской, высказанные относительно переводов тюркоязычных эпосов, можно отнести и к северокавказскому фольклору: «Хотя передача средствами современной русской лексики языка эпического произведения, созданного в иной историко-культурной среде, осложнена преодолением большой временной дистанции, использование всех возможностей русского языка позволяет, однако, отразить в переводе «присутствие» специфики языка подлинника. Здесь важно избежать и другого крена – излишней «русификации» (попытки обеспечить верность фольклорному оригиналу, архаики его языка с помощью сугубо устных или архаических форм русского языка, вплоть до использования «былинного стиля» и пр.). Следовательно перевод, сохраняющий характерные особенности подлинника, должен выполняться в том же стилистическом ключе, что и оригинальный текст, и при этом быть явлением русского языка. Здесь переводчику действительно необходимо удачно сочетать творческое воображение с расчетом исследователя» [8, с. 129-130].

Такой тип перевода можно назвать фольклорно-адекватным переводом.

Особенно внимательным нужно быть при переводе фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, которые наиболее широко представлены в фольклоре. По типологическим законам языка и мышления часть из них может иметь в целом адекватные соответствия в нескольких языках, и в таких случаях уместно при переводе использовать адекватные фразеологизмы и словосочетания; например, во многих языках есть «свои» выражения, соответствующие следующим русским: *от души; рыть яму другому; тёплое местечко; сходить с ума; нечист на руку; богом обиженный; ноги не держат* и др. Однако, когда речь идёт об идиомах в разных языках, практически невозможно найти полного их соответствия и по составу, и по структуре, и по функциям и т.д. Скажем, в языках народов Дагестана много «своих» идиоматических выражений, так или иначе передающих смысл таких национально-специфических русских идиом: *ни в зуб ногой; кот наплакал; заморить червячка; дать дуба; вот так клюква!* и др. Но исходя из их соответствия по смыслу, при переводе нельзя дагестанские идиомы заменять их русскими эквивалентами, ибо это было бы стилизацией, нивелировкой, а в конечном итоге привело бы к утере многих элементов национального колорита,

художественного видения мира, особенностей языка... В таких случаях, а также когда речь идёт об этноспецифичных устойчивых выражениях, словосочетаниях, очевидно, необходим смысловой перевод с обязательным приведением в примечаниях их буквальных переводов.

Аналогичный подход необходим и при переводе фольклорных формул, в частности сказочных. В некоторых изданиях, особенно популярных, начальная формула времени национальных сказок передается формулой русских сказок «жили-были», что в академических изданиях принципиально недопустимо. Не случайно Н. Рошияну на основе анализа многоэтнического материала пишет: «Рассматривая структуру традиционных формул и идентифицируя функции их морфологических элементов, мы устанавливаем модели (как *инварианты*), по которым осуществляются конкретные варианты. Эти модели отражают, в конечном итоге, определенные закономерности, лежащие в основе существования традиционных формул. Обнаружение общих стабильных моделей сказочных формул и изучение их ценности как художественных образов в фольклоре разных народов позволяет нам не только установить сферу распространения определенных типов формул, но и раскрыть художественные средства, которые могут варьироваться от народа к народу, от сказочника к сказочнику, от одной сказки к другой и т. п., в конечном итоге – показать роль традиции и новаторства в применении сказочных формул и выявить – в той мере, в какой это возможно, – национальную специфику этих формул» [10, с. 12-13].

Несколько слов о редакторской работе.

Нередко приходится слышать о необходимости редактирования национальных текстов. Но ведь одна из основных заповедей фольклористики – не вторгаться в текст, не редактировать, не корректировать его (возможны купюры, когда имеют место моменты явно националистического характера, нецензурщины и т. п.). Нельзя и адаптировать, перекладывать тексты на литературный язык. Здесь, очевидно, речь должна идти лишь о приведении записей в нормы современной графики, пунктуации, в чём некоторые фольклористы не вполне компетентны (особенно в Дагестане, где графика довольно сложна, а некоторые малочисленные народы лишь недавно получили свою письменность).

Сложнее проблемы, связанные с редактированием переводов. Переводчики (особенно в национальных республиках) не всегда могут, что называется, «чисто по-русски» передать зачастую сложнейшие по структуре, стилю, лексике этноспецифические тексты, предложения, фразеологизмы и т. д., и здесь редактор может оказать большую помощь. Но опять-таки, таким образом, чтобы не пришлось вторгаться затем в текст оригинала, изменяя его «под перевод». Это, думается, ясно всем фольклористам, однако некоторые правки редакторов, замечательно звучащие по-русски, оказываются не совсем адекватными оригиналам, и это в принципе понятно, ибо ни один редактор не может владеть всеми языками народов Северного Кавказа. Очевидно, что здесь нужна совместная работа редактора и переводчика.

При этом надо помнить также то, что стилистически литературные и фольклорные произведения нередко имеют определенные отличия, например, повтор одних и тех же слов в одном предложении, абзаце и т.д. в авторском тексте может восприниматься как стилистическая погрешность, в то время как в фольклоре это – характерный художественный прием, «фольклорный стиль».

Таким образом, эдиционная работа по созданию академических сводов требует комплексного подхода, где перевод и комментирование занимают важнейшее место.

Итак, составление свода «Фольклор народов Северного Кавказа» – проблема многосложная, широкомасштабная, комплексная, долгосрочная, требующая привлечения специалистов со всего региона, востребованная наукой, необходимостью сохранения и популяризации традиционной культуры, а также помочь в решении особенно актуализировавшихся задач аргументированной пропаганды идей толерантности, межнационального и межконфессионального мира, антитерроризма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджиев А.М.* Кавказский сюжет о гибели охотника (вопросы эволюции и межэтнической общности) // *Аджиев А.М.* Проблемы дагестанской и северокавказской филологии в контексте диалога культур и времен. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – С. 9-37.
2. *Аджиев А.М.* Материалы к предварительному обсуждению проекта проспекта свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа». – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2015. – 44 с.
3. *Аджиев А.М.* О перспективах создания свода «Памятники фольклора народов Северного Кавказа» // *Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации.* Вып. II. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. – С. 3-6.
4. *Аджиев А.М.* Геройко-эпические сказания и песни народов Дагестана в контексте диалога культур (Материалы Всероссийской конференции «Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: методология и практика систематизации фольклорного наследия») // *Новые российские гуманитарные исследования.* – 2013. – №. 8.
5. *Аджиев А.М.* Проект проспекта и основных принципов подготовки многотомного научного издания серии «Памятники фольклора народов Северного Кавказа». – Махачкала: Институт ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. – 30 с.
6. *Алиева А.И.* Антология эпоса близкородственных народов // *Фольклор.* Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
7. *Гацук В.М.* Проблемы фольклористического перевода эпоса // *Фольклор.* Издание эпоса. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
8. *Кидайш-Покровская Н.В.* Перевод тюркоязычных эпических памятников в Академической серии. // *Фольклор: Издание эпоса.* – М.: Наука, 1977. – 287 с.
9. *Путилов Б.Н.* К типологии межэтнических фольклорных связей: природа, закономерности, механизм // *Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала.* – Казань: СССР фэннэракадемиясе, Казан филиалы, 1983. – 143 с.
10. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. – М.: Наука, 1974. – 216 с.

О СОЗДАНИИ СВОДА «ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» В КОНТЕКСТЕ МНОГООБРАЗИЯ И ЕДИНСТВА КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

А.М. АДЖИЕВ

ФГБУН Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.

367025, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45.

E-mail: folkloriyali@mail.ru

Аннотация. Поскольку литература по проекту А.М. Аджиева о принципах составления свода неоднократно публиковалась, в данной статье акцентировано внимание на некоторые его аспекты обобщающего или конкретизирующего характера. Создание многотомного широкомасштабного свода фольклора Северо-Кавказского региона востребовано наукой, а также современными межнациональными и межконфессиональными актуализировавшимися взаимоотношениями. Ареал охвата привлекаемого в свод фольклорно-этнографического материала предлагается не ограничивать территорией СКФО. В статье даны рекомендации по учету конкретных региональных и типологических проблем локально-специфического, этнического, межэтнического и надэтнического в культуре, критериев определения заимствования, принципов перевода и др.

Ключевые слова: свод; фольклор; Северный Кавказ; народы; традиции; актуальность; специфика; заимствования; типология.

ABOUT CREATION OF THE CHOICE COLLECTION «FOLKLORE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS» IN THE CONTEXT OF VARIETY AND UNITY OF CULTURE OF THE REGION

A.M. ADZHIEV

Federal State Budget Institution of Science

The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of

Dagestan Scientific Center of RAS.

367025, RD, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 45.

E-mail: folkloriyali@mail.ru

Abstract. As the literature on the project of A.M. Adzhiev about the principles of compilation of the collection of selected folklore was repeatedly published, in this article we mainly paid attention to some aspects having the generalizing or concretizing character. The creation of the multivolume large-scale collection of folklore of the North Caucasian region is demanded by science, and also by international and interreligious relations of present times becoming more actual. The area of coverage of the folklore and ethnographic material of the collection is intended not to be limited by the territory of North Caucasus Federal District. The recommendations about certain regional and typological problems of local and specific, ethnic, interethnic and supra-ethnic features in culture, criteria of definition of plagiarisms, the principles of the translation, etc. are presented in this article.

Key words: selection digest; folklore; the North Caucasus; people; traditions; relevance; specifics; plagiarisms; typology.